

Стасс Бабицкий

БЕЗ ПЯТИ ЛЕТ АПОКАЛИПСИС

Стасс Бабицкий

Без пяти лет апокалипсис

Серия «Фантастика. XXI век»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57459519
Без пяти лет апокалипсис:

Аннотация

В сборник вошли три фантастических повести. «Обмен времени» Добро пожаловать в мир будущего, у которого нет будущего. Есть только славное прошлое и машина времени, чтобы нырять в те века, где/когда люди жили долго и, по возможности, счастливо. Правда, платить за путешествие в прошлое придется по чересчур завышенному тарифу. На первый взгляд эта сделка покажется не слишком выгодной, но не забывайте, будущего у вас тоже нет. «Без пяти лет апокалипсис» Судный день все ближе. Война за ресурсы истощила планету и поставила Землю на грань неминуемой гибели. Группа ученых пытается предотвратить катастрофу при помощи машины времени. Ведь если отправить в прошлое несколько тонн эребуса – уникального минерала, хранящего неистощимый запас энергии, то можно остановить войну. Все расчеты это подтверждают. Жаль, профессор не учел фактор дурака, который включит не тот тумблер в момент перемещения... «Завтра будет только хуже» Межвременной

коммуникатор, изобретенный профессором Гавриловым, дает уникальную возможность связаться с самим собой в далеком прошлом и уберечь от ошибок. Отменить все неверные решения, переиграть собственную судьбу и создать прекрасное будущее с идеальными условиями для жизни. Но вместо этого в жизни героев возникает кромешный хаос. *Книга содержит нецензурную брань*

Содержание

Обмен времени	5
Без пяти лет апокалипсис	44
1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Стасс Бабицкий

Без пяти лет апокалипсис

Обмен времени

Времена меняются.

Люди часто повторяют эту фразу, даже не задумываясь: а по какому курсу им однажды предложат совершить обмен. И будет ли эта сделка выгодной...

* * *

Войну Киф помнил смутно. Она началась, когда мальчику исполнилось шесть лет, и закончилась на следующий день. Кто первым запустил ракеты? Теперь-то какая разница... Европа, Азия и обе Америки сгорели в одночасье. Африку не бомбили, черный континент спустя месяц выкосила эпидемия. Немногочисленные беженцы устремились к зеленым берегам Австралии, однако спастись не сумели: приплывшие корабли напоминали «Летучего Голландца» – команда из одних скелетов, а судно движется только по воле ветра и волн.

Через год исчезли волны и ветер. Не стало приливов с отливами. Магнитные полюса Земли сместились к Экватору.

Академики пытались объяснить это с научной точки зрения, да только их никто не слушал – оставшихся в живых охватила паника. Телевизоры и радиоприемники замолчали. Телефоны тоже. Карапузы могли бы спокойно совать пинцеты в розетки, электричества там не осталось. Но дети и не думали о подобных шалостях. Они пытались выжить. Любой ценой. Хотя непонятно – ради чего? Перспективы совершенно безрадостные. Планета умирает. Зеленые берега Австралии пожухли и высохли. Стерлись яркие краски. В небе и в душах людей преобладает серый цвет. Даже малыши догадывались: общество обречено. Надежды нет. Лучший выбор – лечь, зажмуриться и ждать смерти. Но инстинкт самосохранения выволакивал их за шкуру, как слепых щенков, из бункеров и подвалов. Заставлял бороться за жизнь, преодолевая боль и страх. Учил воровать еду и сбиваться в стаи.

В банде Западного берега собрались подростки, похожие на доbermanов – резкие, злые, вечно голодные. Попробуй, тронь! Зарычат громко и страшно, давая понять, что с ними лучше не связываться. Но Киф был волчонком, свирепым хищником – нападал молча и не щадил соперников. Стоит ли удивляться, что, когда мальчишка подрос и раздался в плечах, его выбрали вожаком?! Юные головорезы грабили караваны с синтетической пищей, единственной ценностью, которая еще осталась у людей. Золото и бриллианты, бензин, патроны, ум, честь и совесть – все что угодно готовы отдать жители уцелевшего континента за сверкающую банку свет-

ло-серой питательной пасты. В конце двадцатого века бандиты сделали бы отличный бизнес, продавая награбленное и извлекая нехилую прибыль. Но их далекие потомки предпочитали набить брюхо до сытой икоты да отложить пару консервов про запас, чтобы нажраться еще и завтра. А в послезавтра они не заглядывали.

До восемнадцати лет Киф так и жил. Припеваючи. Потом начались проблемы. Караваны с едой перестали приходить из метрополии. Западный берег стремительно опустел: беженцы тонкими ручейками утекли к южным областям, где, если верить слухам, еще остались относительно чистая вода, лекарства и жестянки с синтетикой. А главное, там был эребус...

Вы ничего не слышали об эребусе? Ха! Ну вы даете. Всем известно, что во время войны одна из ядерных ракет сбилась с курса, пробила тысячелетние льды Земли королевы Виктории и взорвалась в дремлющем вулкане. А позднее на заломе тектонических плит, что тянется под океаном от Австралии до Антарктиды, нашли этот странный зеленый минерал. Кто нашел? И за каким чертом он нырял на эдакую глубину? Откуда мне знать. Фамилию первооткрывателя забыли записать в учебник истории. Да и не осталось школ, в которых такие учебники могли вдруг понадобиться. Газеты тоже давно перестали выходить – кому они сдались на сожженной планете. Благовую весть про эребус передавали из уст в уста, опуская все эти неинтересные подробности. Людей волнова-

ло иное. Ведь в сером сумраке будней забрезжил луч надежды. Появился шанс увидеть солнце. Голубое небо. Зеленую траву... Правда, исключительно в прошлом. Эребус, разносила молва, давал возможность путешествовать во времени.

– Чушь собачья! – скривил губы Киф, услышав новость впервые. – Сказки беззубых старух.

– Надо бы съездить и проверить, – предложил один из старейшин шайки, двадцатилетний Пит по прозвищу Гадюка.

– На другой конец материка?! Уймись, придурок. Нам и здесь неплохо живется.

– Придурок? – обиделся бандит. – Да я твоя правая рука!

– А мне ближе и полезнее левая. Особенно по ночам.

Шипение Гадюки утонуло в дружном хохоте гнилозубых ртов.

Ватага еще год разоряла родные места. Изредка удавалось поживиться запасами какого-нибудь богатея, живущего в бункере, или перехватить обоз с переселенцами. Крохи. Для полного счастья уже не хватает. Однажды утром разбойники окружили Кифа.

– А-де-ла-и-да! А-де-ла-и-да!!! – скандировала толпа.

Вожак поразмышлял с минуту и, видя, как вокруг него сжимается кольцо голодных отморозков, приказал собираться в дорогу. Аделаида – благословенный город, который прямо-таки напрашивался, чтобы его захватили и разграбили. Путь туда не близкий, но колес на всех хватит – у их своры много транспорта, есть даже бронированный автобус.

– Я в арестантскую колымагу не полезу, – сплюнул сквозь зубы Пит, – и тебе не советую. Хреновая примета! В этой душегубке братков до тюрьмы возили. Накликаешь беду на наши головы.

– Кончай дрейфить, погнали!

Моторы взревели медвежьим басом. Дорога стонала под тяжестью железной армады два дня, на третий вокруг рассыпалась пустыня. Несколько машин тут же завязли в красном песке по самое брюхо. Забуксовал и мотоцикл Гадюки. Он начал отцеплять коляску, чтобы мчаться дальше налегке, но быстро одумался. Там же канистра с водой и консервные банки, а без провианта в этих поганых краях тяжело придется. Впрочем, и с провиантом тоже. Эх, провалились все пропадом! Пока не поздно, надо выбрать другой маршрут и ехать вдоль побережья. Крюк, конечно, получится невольденный, но...

Оперенное древко вонзилось под ребра. Пит с удивлением глянул на прыщавого подростка, опустившего тяжелый арбалет.

– Ты, шкет, совсем охре...

На большее воздуха не хватило. Бездыханное тело сползло на песок, и мальчишка тут же стянул с него патронташ и кобуру. Потом свистнул двум приятелям и велел разворачивать мотоцикл, чтобы ехать обратно. Банду уже не догнать, а вожак вряд ли вернется за неудачниками.

– Не тормозить! – скомандовал Киф. – Кто выживет, тот догонит. А нам надо поскорее миновать гиблое место.

Глупцы. Мертвая пустошь раскинулась на две тысячи километров и каждый, вступивший сюда, заранее подписал свой смертный приговор. Вскоре двигатели перегрелись и начали взрываться. Водители бросали дымящиеся драндулеты, бежали к автобусу. Цеплялись за бампер. Лезли в разбитые окна.

– Не бросайте нас, сукины дети! – выли обреченные, вращая безумными глазами. – Мы же подохнем здесь! Сжальтесь, изверги!

Но балласт сбрасывали пинками, а самым навязчивым стреляли в башку из карабинов. Лишние рты никому не нужны. Перегруженная колымага не сдюжит. Слышите, как фырчит, зарываясь носом в барханы? Вот-вот заглохнет. Поэтому валите к дьяволу, дорогие товарищи!

Железный монстр, со струпьями голубой краски на ржавом боку, тащился через пески еще сутки. Направление Киф указывал по надтреснутому компасу, а баранку крутили по очереди. Солярка кончилась неожиданно. Автобус проехал по инерции еще чуть-чуть и встал намертво.

– Заливайте полный бак!

– Нету больше топлива. Все запасные канистры вычерпали.

– Хреново... Но тут уж ничего не изменишь. Набивайте рюкзаки едой, сколько влезет. Пешком доберемся!

– А далеко еще шагать, командир?

Киф почесал бровь.

– Завтра встретим рассвет уже в Аделаиде!

Месяц спустя их осталось лишь пятеро. Проснувшись, по традиции, бросили жребий: кто спасет приятелей и станет завтраком, обедом и ужином. Короткую спичку вытянул во-жак. На него набросились скопом, не давая опомниться, двое зашли со спины – все, как положено. Бандиты не приняли в расчет одного: победу в драке приносит не число бойцов, а внутренняя злость. У Кифа ее было больше.

Дальше он побрел один, забрав у мертвых соратников все самое ценное, и на следующее утро вышел на берег залива. От темно-свинцовых вод поднималась нестерпимая вонь. Но скиталец так устал от унылой безнадежности красного песка, что впервые в жизни обрадовался серости. Да что там, он чуть не сбрендил от счастья.

* * *

Или все-таки сбрендил?

В Аделаиде сказки беззубых старух стали реальностью. Киф увидел машину времени. Его буквально ткнули носом в синее стекло, за которым вспыхивал лампами и разбрасывал искры чудной агрегат с железным креслом посередине.

– Отсюда мы вас и запустим, – сказал рекрутер.

Вас? Киф обернулся в поисках других людей – никто прежде не обращался к нему «на вы». Полицейские, что тащили волоком по улицам огромного города, орали: «чертов

бродяга» и еще что-то непристойное. Судья был лишь чуточку мягче: «в тюрьму этого гнуса!» Повезли, однако, сперва в Корпорацию, и здесь уже начальник отдела по подбору персонала, проявил неожиданную вежливость. Даже приказал снять наручники. Стражи порядка пытались возразить, но он прикрикнул:

– Совершенно очевидно, что он – бандит и убийца, а вы – трусливые идиоты. Значит, с ним мы найдем общий язык, с вами же вряд ли. Выметайтесь и ждите за дверью!

Его глаза горели зеленым. Эта зелень уже о многом сказала Кифу, как и ровный загар, покрывающий лицо и руки собеседника. Рекрутер отличался от всех прочих людей, встреченных прежде – те быстро угасали, выцветали и иссушались, превращаясь в серые тени, даже если регулярно обжигались консервами. Этот же, прямо-таки неприлично бодр и энергичен.

– Каждые выходные провожу на пляжах в 1999 году. Не верите? Давайте устроим вам обзорную экскурсию.

Бродягу заставили сбросить лохмотья, переодели в красно-черные плавки и водрузили на нос очки с большими темными стеклами. От солнца. Трижды предупредили – не снимай, иначе ослепнешь с непривычки. Привязали к креслу гибкими ремнями. Вкололи что-то в руку, она моментально онемела. Вокруг заискрился зеленоватый туман. А спустя мгновение Киф очутился в другом мире. Красочном, жарком, оглушительно-громком и... прекрасном. Дети барахта-

лись в море, не опасаясь акул-мутантов. На горизонте вода вдруг встала отвесной стеной, но никто не закричал в ужасе, наоборот, по волнам тут же заскользили десятки юношей и девушек на каких-то плоских рыбах... Или это доски? Отсюда не разглядеть. Высокий дядька на водных лыжах мчится за катером, за его спиной надувается оранжевый воздушный змей и выдергивает долговязого вверх, к облакам. Юху! Подростки съезжают с горки и плюхаются на мелководье. Радостный визг ребятни звенит в ушах, перекрывая все прочие звуки. Киф скосил глаза влево и заметил блондинку, которая загорала без лифчика. Как раз сейчас она начала мазать кремом свою шею, вот ее ладонь совершает нежные волнообразные движения, спускаясь постепенно к груди...

Зеленоватая волна смыла приятную картинку. Он снова очутился в лаборатории, немного смущаясь по поводу предательски узких плавок.

– Вижу, вам понравилось, – кивнул рекрутер. – Минута в приятном прошлом и главное, совершенно бесплатно. Но если захотите туда вернуться, или выбрать любое другое время и место... Придется заплатить.

– Сколько? – перебил Киф.

Он был готов на все: отнять, украсть, убить если потребуется.

– О, нет! Вы не так поняли. Путешествие в прошлое нельзя купить, – улыбнулся загорелый. – Только обменять по особому курсу. Стоимость каждого временного отрезка рас-

считывается персонально. Скажем, час на пляже в 1999 году обойдется в килограмм эребуса. А за час, проведенный в 1888 году, придется отдать три кило. Это грубый подсчет, разумеется.

– Но... Где достать этот... Килограмм?

– Только в одном месте.

Рекрутер выдержал паузу, давая возможность попроситься со сказочным видением навсегда. А потом достал из папки, которую держал в левой руке, квадратик белого пластика с выбитыми золотыми буквами. Помахал в воздухе.

– Это стандартный контракт, дающий право работать на шахте Корпорации. Сколько минерала наковыряете, на столько и погуляете в прошлом. Подпишите здесь и вас без промедления доставят к рабочему месту. А прекратить сможете в любой момент, когда решите, что накопили достаточно.

Строчки расплывались перед глазами. Нет, читать юный бандит худо-бедно умел, и если поднапрячь мозг, отдельные слова сложатся в предложения, но его мозг объявил забастовку. Какие буквы? Какие цифры? Зачем отвлекаться на такую ерунду, когда все мысли заняты пляжной блондинкой. Ни о чем другом подумать все равно не удастся, как ни старайся.

– Годится, я с вами! – Киф приложил большой палец правой руки к идентификатору личности под документом. – Не сбивайте настройки, завтра отправите меня в то же место и

в то же самое время.

На этот раз рекрутер не улыбнулся. Распорядился выдать новому сотруднику защитный костюм и инструменты, после чего незамедлительно доставить в Купол.

– Насчет завтра не загадывайте, – напутствовал он на прощанье. – Мало ли что.

– А хоть что! – ухмыльнулся свежеиспеченный шахтер. – Уж кило этой зеленой срани я за день по-любому наковыряю.

Судно на воздушной подушке натужно скользило по серым водам через залив и далее, в океанскую ширь да гладь. Купол показался только через пять часов, большую часть этого времени Киф вспоминал блондинку, ощущая кожей солнечные лучи и приятные мурашки. С такими у него пока не складывалось. Раньше ему попадались женщины двух типов. Первые продавали себя за еду в борделях Западного берега, вечно усталые, грязные и равнодушные. Вторые убивали себя, только чтобы не стать добычей бандитов. Поразительно, эти скромницы предпочитали вскрыть вены или броситься с обрыва. Даже страшенькие, хотя им-то с чего носом крутить?! Как бы то ни было, смерть девушек обычно не останавливала Кифа и его братьев. Зов плоти был сильнее...

* * *

Купол появился уже после заката, поэтому впечатление

произвел грандиозное. Прямо из океана поднимался столб света, широченный, как баобаб. Он врезался в черное небо, разгоняя копошащиеся там тучи, а по волнам во всех направлениях ползли бело-желтые дорожки, словно лучи экзотической звезды. Основная часть сооружения пряталась под водой, над поверхностью выступал округлый бок, высотой в девять ярдов, напоминая чуть сплюснутое гигантское яйцо.

Скорлупа разошлась, пропуская катер в герметичный шлюз. Мощные насосы откачали излишки воды, плеснувшей следом. Встречали Кифа два охранника с мощными ружьями. Его проводили в столовую, накормили поздним ужином – две банки синтетики, роскошный пир! – и отвели в спальный отсек. Двухъярусные кровати оказались вполне удобными, одеяло было не слишком кусачим, а подушек сразу две. Чем не жизнь? Соседи мрачные, тут не поспоришь. Но они в миллион раз милее тех отморожков, с которыми приходилось водиться прежде. Прикиньте, не стали устраивать ему «темную» в первую ночь! Киф нарочно не спал, сжимая в кулаке украденный из столовой нож, ждал какой-нибудь подлости, но всем, похоже, было плевать на него.

Утром бригадир проверил, правильно ли салага надел защитный костюм и шлем, после чего подозвал седого великана – тот возвышался над строем шахтеров на целую голову.

– Сегодня присматриваешь за этой слизью.

– А оно мне надо?

– Это не просьба, Хан, – взвился бригадир. – А будешь

бузить, я тебе цифры за месяц обнулю!

Старик хмуро протянул цепь от своего ремня.

– Пристегни к поясу, – сказал он Кифу. – Иди за мной. Делай как я и не болтай попусту.

Цепь, связавшая их, была не длиннее двух метров. Пришлось подлаживаться под широкий шаг гиганта, чтобы не выглядеть собачонкой, которую тащат на поводке.

В нижней части Купола располагался такой же шлюз, как и вверху. Здесь стояли квадратные батискафы. Как только задраили люки, отсек заполнился водой и огромные кубы рухнули вниз, крутясь словно игральные кости. Киф, однако, не почувствовал головокружительного погружения, кабина с шахтерами оставалась неподвижной.

Первый рабочий день запомнился надолго. Да и как забыть, если потом каждую смену делаешь одно и то же? Шахтеры спустились в глубокий фурнель на трясущемся грузовом лифте. Хан запрыгнул в пустую вагонетку. Новобранец забрался следом. Не так ловко, конечно, еще и локоть ушиб, но это с непривычки. Остальные работяги притулились, где придется. Поезд резко тронулся с места и Киф, не удержавшись на ногах, врезался лицом в железный бортик.

– Сучий хвост! – он слизнул кровь с разбитой губы. – Мог бы и предупредить.

– Мог бы, – кивнул Хан. – Но это мелочь. А вот, что действительно важно: сейчас мы приедем к Стене...

Да ну, на фиг! Он уже достаточно наслушался про эту чер-

тову Стену. Рекрутер даже картинку показал и дотошно объяснил, что прессованный пласт редчайшего минерала залегает глубоко под океанским дном от Купола до вулкана Эрбус, мирно спящего на антарктическом острове. Собственно, по имени огнедышащей горы уникальный камень и окрестили боссы Корпорации. Шахтеры же называли его без малейшего почтения – «зеленухой». Кому это интересно? Другое дело, что над ними сейчас океан. Долбанная прорва воды, которая давит на потолок хлипкого тоннеля. Не ровен час... Киф беспокойно вертел головой, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в тусклом свете фонарей, мимо которых пронеслась вагонетка. Вот там, кажется, уже капает...

Оплеуха выбила из головы тревогу и страх, оставив только ярость.

– Я тебе горло вырву, старый хрен! – вспылил Киф. – Зачем руки распускаешь?!

– Не отвлекайся, гаденыш. Повторять не буду. Там, в забое, каждый сам за себя и если бы мне не навязали с тобой нянькаться, то мы бы и словом не обмолвились, – Хан смотрел на юношу пустыми глазами. – Но раз уж навязали... Слушай. Резать можно лишь светло-зеленый камень. Пока куски сохраняют прозрачность, все зашибись. Увидел, что начинается темный, малахитовый пласт, с прожилками – сразу прекращай работу. Это предвестник беды. Но если ковырнешь случайно, еще не смертельно. А вот дальше пойдет черный слой и это уже кирдык: малейший удар, даже ногтем чирк-

нешь, – сразу взорвется. Усек?

Киф нервно сглотнул. Рекрутер об опасности не предупредил.

– А Корпорация-то знает?

Шахтер, сидящий чуть поодаль, почесал бритую голову и расхохотался.

– Само собой. Думаешь, зачем они шахту затапливают? Хотят свести потери к минимуму. Под водой взрыв эребуса не так разрушителен, да и у человека шансов выжить больше. Руку, конечно, оторвет, зато соседи уцелеют. Авось доволокут до лазарета, – он снова поскреб затылок. – Или нет.

– «Чернышей» мы не жалуем, – кивнул Хан. – Неосторожный мудака – угроза для всех нас. Спасать такого никто не кинется, пусть подыхает в корчах.

– Верно! Верно говоришь! – зашелестело со всех сторон.

– Да бросьте, парни, – Киф поморщился от боли, но все же сумел выдавить наглую ухмылку. – Если здесь выживают такие неудачники, как вы, то и я сумею!

На этот раз он удержался на ногах, когда поезд резко затормозил. Надел защитный шлем, включил лампу-коногонку, сделал глубокий вдох, потом еще и еще – воздух из баллона на спине подавался настолько чистый, что от него слегка закружилась голова. А потом старый наставник рванул цепь и они толчками покатали вагонетку по наклонной. В затопленный штрек.

Резать породу под водой – занятие муторное. Надо отби-

вать кусок побольше, достаточно весомый, чтобы не всплывал из кузова, но при этом не слишком тяжелый, чтобы не надорваться. Смена-то длинная, двенадцать часов, а плечо никто не подставит. Каждый набирает зеленуху только на личный счет. Воровать не станут, даже у новичка, – за такое ночью в Куполе тихо придушат, – но и пальцем не пошевелят, чтобы помочь. Каждый сам за себя, да. И только Киф в связке с долговязым.

За смену удалось нарезать восемь камней, причем каждый весил не меньше трех килограммов. Руки дрожали и болели от напряжения, но настроение было отличное. Заработал себе жаркий день на пляже и не менее жаркую ночь с красавицей-блондинкой.

– Размечтался, – хмуро пресек восторги Хан. – Шахтеру с каждого добытого кило причитается один процент. Ты даже вздрочнуть на свою кралю не успеешь, за такие-то крохи. Времени не хватит.

Говорил великан без злорадства, ситуация его скорее раздражала. Ведь и сам он получал тот же мизер. Другие работы, наперебой начали объяснять сопляку, что Корпорация выжимает все соки из простофиль, которые не читают мелкий шрифт в контрактах. А также активно вербует преступников, этим дается нехитрый выбор – казнь прямо сейчас или жизнь до тех пор, пока вкалываешь на Стене.

Зеленухи нужно добывать все больше и больше. От нее зависят Аделаида и окрестности, а также бесперебойная ра-

бота Купола. Всю энергию дает эребус, от него работают прожекторы, фильтры для очистки воды и вентиляторы, с тягучим гулом изгоняющие наружу духоту и запах сотен потных тел. Кроме того, совет директоров Корпорации уже несколько лет живет безвылазно в благополучном прошлом. Администраторы пониже рангом получают гарантированные поездки на выходные и ежегодный отпуск в деревне у дедушки. Как ты думаешь, тупица, чьим потом и кровью все это оплачивается?

Отпуск у дедушки – это так, для красного словца. Дед твой к тому времени еще не родится. Путешественникам во времени запрещено появляться в любом году после 2000-го: мера предосторожности, чтобы избежать необратимых катаклизмов. Много кому хочется изменить недавнее прошлое, остановить войну и уничтожение планеты. А нельзя, говорят. Ведь без войны не возникнет эребус, а без него машина времени работать не сможет. Значит, в прошлое никто не полетит. Вот уже и парадокс – бдыщ! Наша реальность лопнет, как мыльный пузырь.

Киф не слушал. Драл он такую реальность, в мелкие лоскутки. Сейчас куда больше занимали подсчеты на пальцах. Так-с. По тридцать грамм зеленухи за смену. Значит, чтобы попасть на тот самый пляж придется горбатиться... Месяц? Или два?

– Ублюдки! – завыл Киф.

По всему выходило, что его поимели.

– Проклятушие твари! Как же я ненавижу...

Хан усмехнулся и отстегнул цепь.

– Добро пожаловать в команду неудачников, малыш.

* * *

Месяц в пустыне казался невысказанно тяжелым, но теперь Киф вспоминал его с приятной ностальгией. По сравнению с шахтой там был сущий курорт. Работа каторжная. Резаки не справляются с породой, приходится наваливаться всем телом и давить на рукоятку изо всех сил. Тогда пористая поверхность поддается. Мелкие осколки всплывают, сверкая, как драгоценные камни. Шахтеры никогда не видели изумрудов, да и не слышали про них, потому обходились без громких сравнений. Неторопливо снимали с пояса вакуумные сачки и ловили кусочки эребуса. Говорят, во времена лихорадки на Клондайке старатели брезгливо морщились, нымывая золотой песок. Самородки им подавай! Здесь же никто не станет разбрасываться песчинками, слишком дорогой ценой достаются.

Киф быстро научился врубаться в стену, придерживая резак под правильным углом. Долбил не сверху, как остальные, нет. Он вспарывал Стену снизу, словно брюхо своей первой жертвы – байкера в кожаной куртке, не сходящейся на огромном животе. Тот мерзавец хотел... Чего? Сейчас уж и не вспомнить. Да и не важно. Работай, не отвлекайся! Со-

жми железную рукоять двумя руками. Бей. Еще! Отлично, вон какой кусище отломился. Бригадир, конечно, засчитает не целиком. Мухлюет, гнида. Весы подкручивает. Но тут уж для шахтеров условия одинаковые. Все терпят. И ты терпи.

Трудности закаляют: юноша раздался в плечах и существенно подрос. Уже через полгода он мог позволить себе провести целые сутки с блондинкой или с любой другой красоткой. Хоть с тремя! Но внутренний голос нашептывал: не спеши, а то попадешь в петлю и уже не выберешься. Киф наблюдал за соседями. Все они возвращались из краткого путешествия опустошенными, еще более серыми, чем прежде. Боссам Корпорации прошлое шло на пользу, поскольку они жили в нем с завидным постоянством, иногда приезжая в конец двадцать первого, на работу. А потом снова убегали от реальности, прятались в любимом времени – спокойно-ленивом или развратно-озорном, тут уж каждый по себе выбирал. Шахтеры же окунались в былые века на краткий миг, пьянящий и волшебный, однако потом наступало похмелье. – жестокое пробуждение. Осознание того, что ради нового опьянения придется трудиться не покладая рук долгие недели, месяцы, годы.

Зиг, сосед по койке, немецкий солдат-дезертир. Он заступил в караул как раз в тот день, когда началась война. Наблюдал на экране гибель мира, слышал панические сообщения по секретной связи – генералы союзных и вражеских армий кричали, молились, рыдали. Не выдержал, сбежал... Те-

перь каждый месяц отбывает в прошлое на четверть часа. Выбирает один и тот же бар в Берлине 1924 года. Залпом выпивает рюмку шнапса и приглашает незнакомую фройляйн на медленный фокстрот, который наигрывает маленький оркестрик – кларнет, скрипка и пианино. Танцует Зиг неважно, часто наступает своей нелепой ножищей на лаковые туфельки Гретхен или Труди, а может и Баси. Не важно. Он смущенно бормочет извинения. Зарывается носом в белокурые локоны, жадно вдыхая ароматы духов. Чувствует трепет изнеженного тела под тонким платьем, когда проводит рукой по спине или сжимает ладонь на талии. А в награду за столь явный интерес получает от барышни влажный поцелуй в плохо выбритую щеку. Почти всегда. И потом у него остается целая минута, чтобы выйти на улицу, прямо в мирную весну, купить мороженое у веселого торговца на углу, отсчитывая звенящие пфенниги. С этим белоснежным чудом Зиг возвращается в серое настоящее, но никогда не ест. Смотрит, как оно тает и жирные липкие капли стекают по рукам.

Или, к примеру, Хан. До войны он был актером, прямо скажем – средненьким. Играл в каких-то телесериалах, в рекламе. Для многих теперь это был пустой звук. Да и раньше, в принципе, тоже. На шахты пришел одним из первых, ради мечты – раз в полгода улетать в золотой век Голливуда. Киф не знал, что это за страна, но догадывался, что там днем и ночью снимают кино. Актер попадает в массовку каких-то пеплумов и возвращается счастливым. Охотно делится по-

дробностями в столовой, в батискафе, в душевой, в спальном отсеке – уже отбой, всем охота на боковую, а его не заткнешь... Приходится терпеть. Все знают, что на следующее утро Хан снова замкнется в угрюмом молчании на полгода: лишнего слова не выжмешь. Будет сидеть и пялиться в афишу, которую захватил из Голливуда.

Привезти из прошлого что-то стоящее, – пистолет или золотое колечко, – невозможно. Вдруг отсутствие именно этого кольца в ювелирной лавке не позволит стеснительному молодому человеку сделать предложение любимой девушке, и не родится Важная Историческая Личность. Или без оружия погибнет другой Ключевой Персонаж. Любой предмет вплетен в ткань пространства-времени и способен повлиять на ход истории. Кроме мусора. Поэтому привозили путешественники сломанные безделушки, скоропортящуюся еду или оборванные уличные афиши.

– Кто это? – спросил Киф.

– Клеопатра, – старик уже замкнулся в своем внутреннем бункере, потому и цедил слова в час по чайной ложке.

Но если запастись терпением, то за несколько дней можно набрать целый стакан. Хан рассказал о царице Египта – который и до войны-то считался древним. Молодая, красивая и очень порочная: выбирала себе любовника на одну ночь, но чтобы после не хвастался в тавернах и не докучал алчными просьбами, травила их особым ядом. Выпил чашу – и в постельку, а на рассвете умрешь во сне, с улыбкой...

Вот оно, решение! Киф понял – это то, что нужно. Только так можно избежать последующих душевных мук и терзаний. Этой чертовой зависимости от прыжков в лучшие времена... Корпорация заманивает их миражами, подсаживает как на наркотик. Все ради того, чтобы вернувшись, шахтеры с удвоенной силой вгрызались в пласты породы, наполняя закрома. А он разорвет этот круг. Чем возвращаться в постылую реальность, лучше умереть в прошлом, испытав прежде неземное блаженство. Здесь ведь ничто не держит, какой смысл цепляться за серый мир?!

Киф влюбился. Не в вульгарную брюнетку с афиши. Не в королеву древних песков, которую его скудное воображение не могло даже представить. Влюбился в мечту. Поэтому и не вздрогнул, когда услышал сколько еще придется откалывать эребус ради столь далекого путешествия.

– Три тысячи долбанных дней в шахте обменять... На одну ночь, – удивился бригадир, окончив расчеты. – Ты в своем уме? Почти десять лет жизни...

– Разве тут жизнь? Настоящая жизнь начнется с Клеопатрой, – парировал Киф.

И добавил мысленно: «С нею же и закончится».

* * *

Мечта быстро переросла в навязчивую идею. Такое рано или поздно происходило со всеми в Куполе. Подобная идея

еще наполняет радостным предвкушением, но от нее всего один шаг до болезненной мании. Этого Киф тоже навидался у Стены. Шахтер из второго отряда, – кажется, Джек, – горбатится, чтобы раз в год улетать на один вечер в Лондон 1888 года, а там, представьте себе, режет горло первой встречной проститутке. Они ведь с точки зрения истории такой же мусор, как и сломанные игрушки или обрывки афиш – режь, сколько хочешь, на будущем это никак не отразится... Дальше Потрошитель (так его прозвали лондонские газетчики) сидит в пабе, попивая темное пиво, пока не выдернут обратно в будущее. Таким образом завалил уже пятерых шлюх. В промежутках между путешествиями этот одержимый рассказывает в подробностях, как смердят викторианские трущобы, и хуже всего несет от гулящей Энни и других продажных девок – поскольку те льют на себя дешевые духи, которые должны бы маскировать неприятные запахи, но на деле наоборот, только подчеркивает тошнотворную мерзость... Вбил себе в башку, что должен очистить Лондон от грязных лахурд. Настоящий маньяк, кто бы спорил.

– Слушай, Джек, а правду говорят, что ты пробовал задержаться в прошлом? – спросил однажды Киф, когда они поднимались в батискафе.

– Да, – ответил тот.

– Получилось?

– Нет.

Каков, а? О своей маниакальной страсти готов часами тре-

паться, наловчился крики и хрип жертв изображать, вполне натурально. А по делу слова не вытянешь. Но Киф сумел собрать правду по обрывкам фраз и полунамёкам.

Доктора Корпорации делают укол каждому путешественнику: вводят точно рассчитанную дозу жидкого эребуса. Никто не знает, как они превращают камень в жижу, да и какая разница?! Главное, что это работает. Под воздействием излучения машины времени, эта суспензия начинает медленно растворяться в крови и как только последняя капля исчезнет – все. Человека выбрасывает обратно в настоящее. В то самое кресло за синим стеклом.

Джек после первого убийства решил остаться в Лондоне насовсем. Надо только избавиться от зеленухи, подумал он. Нашел топор возле старой конюшни и отрубил себе левую руку. Тут же оказался в лаборатории, заливая кровью машину времени и вопя от жуткой боли. Врачи не удивились: флегматично обработали рану. Сели ждать. Спустя три часа рука, слегка погрызенная бродячими псами, появилась в воздухе с влажным звуком и шлепнулась на пол. Пришили, работает как новенькая.

Еще четыре убийства спустя Джек попал в ловушку. Нет, не в Лондоне – там его вычислить не сумели. В шахте. Поймал «вороний глаз». Редкое образование: шар из черного эребуса, вплавленный в слой прозрачной зеленухи почти у самой поверхности. Такое случается на Стене, хотя и редко. Джек вонзил резак прямо в середину шара. Взрывом оторва-

ло руку, по иронии судьбы – правую, а заодно голову снесло. Вместе с защитным шлемом.

Киф забрал добычу из его вагонетки. Джеку теперь камни без надобности. Корпорация придерживалась строгих правил: в случае гибели шахтера заработанные им килограммы списывались в особый Фонд, на нужды топ-менеджеров. Наследников посылали к черту. Да и откуда у Потрошителя наследники? Кому вообще был интересен этот псих, кроме разве что газетчиков и полиции Лондона. То-то они удивятся в своем 1888 году: убийства начались внезапно, без всякого повода или мотива, и также неожиданно прекратятся. А уцелевшие проститутки даже не узнают, от какой беды уберег их случай...

Плевать на них. Все равно сдохнут, не от ножа, так от дурной болезни, голода или старости. Двести лет назад они ползали по британским трущобам, а сейчас и воспоминаний о тех местах не осталось. Лондон, Англия, даже Австралия для оставшегося в живых человечества – пустые звуки. В умирающем мире остались лишь две точки на карте, которые что-то значат: Аделаида и Купол.

На обратном пути в батискафе говорили только о Джеке и «вороньем глазе». Но завтра имя уже забудут. У шахтеров память короткая. Никто не поминает Хана и Зига, которые погибли полгода назад. Зато до сих пор рассказывают новичкам, как тогда обрушился громадный ледник, с треском проламывая океанское дно, вминаясь в шахту, размазывая лю-

дей по Стене. Тоннель напоминал... Как бы объяснить... Видел до войны трубочку с кремом? Нет? Не сvezло тебе. Знатное лакомство. Было. Давно это было...

Да уж, давненько. С той проклятой войны прошло больше шестнадцати лет. Ну и раз уж начал считать... До свидания с Клеопатрой осталось отработать меньше пяти. Киф закрыл глаза. Все мысли возвращались к побегу в прошлое. Скоро. Скорее бы! Он представлял, как сядет в машину времени, а потом заискрится зеленый туман... Дальше не углублялся, не прорисовывал мысленно образ египетской царицы. Клеопатра была намечена тонким контуром, штрихами. Разве важно, какого цвета волосы и какой длины ноги? Будто бы, увидев, что у нее маленькая грудь, Киф откажется от своей затеи и пойдет в древнеегипетский кабаk, пить с горя. Нет, она не женщина и даже не символ. Она – отличный способ хлопнуть дверью напоследок.

«Все равно поймею!», – мысль гудела в висках, когда он вгрызался в очередной пласт эребуса. Непонятно, кого Киф имел ввиду: Клеопатру, Корпорацию, Старуху-с-косой или всех их вместе взятых.

* * *

А потом в Купол заявился Фрол. Здоровенный мужик из далекой северной страны, который три года назад горбатился вместе со всеми, но вдруг надолго исчез. Все решили: помер.

Но, смотри-ка ты, вернулся. Секретничать не стал, выложил всю подноготную.

– Я же в прошлый раз устроился на шахту ради дочери, хотел подарок сделать на совершеннолетие. Отправить на денек к теплому морю.

Тут он достал из кармана пожелтевшую фотографию с заломами и оторванным уголком. Улыбающиеся мужчина и женщина, надпись по верхнему краю: «Привет из Крыма, 1967». Семейная реликвия! Только русские настолько сентиментальны, чтобы таскать годами кусок картона с выцветшими предками, имена которых уже и не вспомнить. Подарок удался, девочка провела день в раю. Но потом пришлось очнуться в опостылевшей реальности.

– С тех пор сидит целыми днями у окна, как царевна-несмеяна, – развел руками Фрол. – Держит возле уха ракушку, привезенную с пляжа. Говорит, там море шумит.

Отец, разумеется, во всем винил себя. Хотел как лучше, а вышло... Девушка угасает на глазах, врачи сказали, долго не протянет. Потому шахтер заключил новую сделку с Корпорацией: будет работать, пока дочке не станет совсем худо. А после отправится с ней к тому же теплому морю, – хоть на час, хоть на минуту, на сколько хватит эребуса – чтобы проводить в последний путь.

– Мечтает дочка теперь об одном: как только почувствует приближение смерти, окунуться в море и плыть на закатное солнце, покуда хватит сил. Чтоб потом душа ее взлетела и

стала чайкой или альбатросом.

– А ты? – спросили сразу несколько голосов.

– А я сяду на берегу и зарыдаю. Наверное...

Киф прекрасно понимал мечту девчонки, во многом созвучную его собственным планам. Единственное, что не укладывалось в голове – отчего Фрол трудился ради другого человека, пусть даже и родной дочери. Люди ведь так не поступают?! Во всяком случае, не встречались такие прежде, за всю жизнь. А русский и соседям помогал. Когда шахтер, надрываясь, тасил отколотый кусман зеленухи, – слишком тяжелый для одного, – подхватывал за неровно обрезанный угол и помогал грузить в вагонетку. На обратном пути, как только сняли шлемы, Киф выпалил:

– Делиться не буду! Даже не надейся!

– На здоровье, – хлопнул его по плечу Фрол.

Откуда это берется? Радушие, так кажется, называется. Он что, не понимает: здесь каждый сам за себя? Никто не прикроет спину, не оттолкнет, если сзади пойдет ледник. Эгоизм, возведенный в степень. А этот... Всегда старается плечо подставить. Рубит Стену – песню мурлычет, говорит, так легче работается. Самый сумасшедший маньяк из всей здешней компании.

Иногда Фрол совсем уж безумные вещи рассказывал. Что будто бы та самая последняя война началась не от людской злости или ненависти. А от жадности.

– Ты пойми, дружище, все эти президенты, правительства

и короли, на самом деле были марионетками. А кукловоды всегда оставались за ширмой. Абсолютную власть захватили богатейшие семьи и компании, вот они планету и контролировали. Не государства, нет, границы давно стерлись. У кого в руках ресурсы, тот и правит.

– Как рэкетеры, – кивал головой Киф, вспоминая знакомые криминальные схемы.

– Именно. Так же, как сейчас Корпорация. А когда кончилась нефть, они запустили ядерные боеголовки. Чтобы выживший мог править остатками этого мира.

Скорее всего, так и было. Фролу уже изрядно за сорок, помнит довоенные времена получше Кифа. Беседовали они мало. В забое невозможно, а в батискафе слишком много людей – поди пойми, кто настучит бригадиру. В столовой, за завтраком, тоже не удавалось: каждая консервная банка вычерпывалась в десять ложек, успеешь от силы пару фраз вмять в синтетическую пасту и добавить к сытому брюху. Свободное время появлялось только перед сном и, хотя уставшее после смены тело требовало немедленного сна, мозг впитывал слова, как губка.

– А почему именно наша Корпорация уцелела в войне? – спросил однажды Киф.

– Повезло. Австралийский синдикат был наиболее слабым бизнес-проектом. И про него попросту забыли. Когда дым пожаров рассеялся, стало ясно, что остальные континенты погибли, а наш дышит на ладан, но все-таки дышит. А

потом нашли эребус. Дар небес! Его запасов вполне хватит, чтобы наладить нормальную жизнь для оставшегося человечества. А там, глядишь, изобретатели додумаются, как возродить мертвую планету... Но энергия зеленых камней тратится впустую, на бессрочные путешествия капиталистов в прошлое, где живут они в ус не дую, прожигая будущее. Разменивая величайшую ценность на свои никчемные развлечения. Жадность этих упырей погубит и жалкие остатки этого мира, – Фрол оглянулся по сторонам, не подслушивает ли кто, и понизил голос. – Надо устроить революцию. Захватить склады с зеленухой, а главное – разбить машину времени с ее чудо-излучателем в мелкие дребезги. Чтобы не осталось никакой возможности сбежать из этой затхлой, унылой, отвратительной реальности. Забыть к чертовой матери прекрасное прошлое! Тогда останется только один вариант: строить нормальное будущее, в котором у каждого появится шанс увидеть солнце, море, траву и лес.

– И все заживут, как короли из сказок?

– Нет, конечно. Все будут по-прежнему тащить свой крест. Но без гнета проклятой Корпорации каждому станет чуточку полегче.

Киф понимающе кивал. Что тут непонятного: тронулся умом мужик от горя, планету оплакивает, как дочку родную. Но девочка уже не выздоровеет, диагноз слишком серьезный, да и планета неизлечима. Даже если найдется вождь, который поднимет людей на борьбу с Корпорацией. Даже если

ему удастся победить и получить все запасы эребуса. С чего при этом отказываться от путешествий в прошлое? Представьте себя на месте лидера повстанцев... Вы бы точно ни секунды не раздумывали, а сразу нырнули в райские кущи с пляжами и блондинками. Самых верных соратников можно взять с собой, а на остальных плевать. Зачем ковыряться в грязи, дерьме и пепле, пытаясь сделать серое будущее чуть менее светлым. В прошлом лучше – не надо ничего возрождать, все уже готово к употреблению. Или революционерам жадность неведома?! Киф мог бы все это высказать, но лень спорить с сумасшедшим. Да и спать пора. Глаза слипаются...

* * *

За те несколько месяцев, что Фрол батрачил поблизости, чаще думалось о дружбе. Ну не совсем так, конечно. Киф чуть-чуть оттаял, иногда на его лице проглядывала тень веселья и радости. Однако же это ничего не значило: тех четверых, в пустыне, он убил с точно таким же выражением лица. Почему люди склонны доверять улыбке? Проще всего подделать дружелюбное настроение, всего-то надо растянуть губы.

Вот так.

Его тонкий рот изогнулся, хотя на душе было беспокойно. Сегодня последний день работы в шахте, осталось добыть на свой счет всего килограмм зеленухи. Для верности – два.

Это не повод для волнений, поскольку куда меньше привычной нормы, которую Киф нарезал за смену. Древний Египет так близко, что уже можно разглядеть пирамиды, как на той дурацкой афише... Но его уже не первый день грызли сомнения. А что если Клеопатра его не выберет? Тогда, получается, зря он горбатился у Стены столько лет. Может быть прав Фрол? Лучше требовать за накопленный эребус тонны еды, сменять консервы на черном рынке на оружие, а потом захватить Корпорацию. При успехе затеи не придется помирать в прошлом. Неудача тоже в плюс: пристрелят охранники – быстрее отмучится.

С другой стороны, Киф верил в эффект везучести путешественников во времени. Шахтеры часто говорили, что в прошлом им выпадает больше удачи, чем местным... э-э-э, обитателям. Хан получал роли без всяких проблем, режиссеры выбирали его на кастинге из двадцати кандидатов. А с Зигом не отказалась танцевать ни одна красотка, хотя на рожу он был страшнее всех – это в Куполе-то, где собралось немало уродов. Даже Джеку везло – после первых убийств, когда его описание было известно и полиции, и уличным девкам, Потрошителя ни разу не заподозрили. К тому же, Киф для солнечного Египта – экзотика. Надо принять во внимание любопытство и страсть царицы ко всему новому. Клеопатра слишком любит необычные развлечения, чтобы упустить такой экземпляр. Он бросил взгляд в зеркало, поиграл крепкими мускулами. За годы на подводном руднике, ко-

жа стала матовой, как у мраморных статуй, волосы выцвели до прозрачного состояния. Глаза когда-то были как угольки, но шахта сожрала весь цвет. Наверное, и кровь уже не красная, но это не важно: проливать ее в прошлом не придется. Налиют яду в чашу вина, чтобы наутро не мучиться похмельем...

Но пока предстоит надеть защитный костюм и отработать еще одну смену. Главное, чтоб без сюрпризов, без «вороньих глаз» да прочих неприятностей.

И стало по слову его. Бруски эребуса, вырезанные из Стены, были чисты и прозрачны. Вагонетку он наполнил почти доверху, с запасом, чтобы бригадир не придрался и не обсчитал на выходе. Батискаф поднялся с глубины без поломок и тряски, комфортно провожая Кифа в последний путь. В хорошем, даже превосходном смысле этого выражения. На ужин дали дополнительную банку синтетической пасты, Корпорация расщедрилась на подарок. Шикарно! Теперь хорошенько выспаться – утром катер доставит его в Аделаиду, к машине времени. К сбывшейся мечте...

А ночью на Купол напали мутанты. Кровожадных морских тварей прежде останавливал энергетический барьер, да и сам корпус оказывался не по зубам акулам, не по щупальцам кальмарам. Но пингвины, злобные чудовища, вымахавшие до семи метров, прорвались. Первый сгорел, сминая светящийся бледной зеленью экран. Второй расплющился о прозрачный пластик, но трещину в стене обеспечил. Осталь-

ные вломились следом, пронзительно вереща и разрывая на части всех, кто попадался по пути.

Дверь в спальный отсек снесли напрочь сразу две гигантские туши. На мгновение застряли, блокируя вход, комично забились на скользком полу, отталкиваясь друг от друга короткими крыльями. Смотрелось это нелепо, но никто не засмеялся. Большинство шахтеров пытались соорудить из перевернутых кроватей некое подобие баррикады в дальнем углу. Несколько человек скорчились на полу от ужаса, громко визжа или тихо подвывая. Среди них был и ночной охранник – бросил карабин на пол, схватился руками за голову и дрожал, спрятавшись под столом у дверей. Там его и настигла пернатая тварь: острый клюв, похожий на веретено, пронзил и столешницу, и тело в черном форменном мундире – от ключицы до паха. Предсмертный крик потонул в голодном реве второго пингвина.

Киф дернулся туда, где собирали заграждение из мебели, но его перехватила сильная рука.

– Стой! Они же сами себе западню строят. Эти птички прижмут всех в углу, пробьют насквозь железные сетки кроватей и поужинают на славу, – объяснил Фрол спокойным голосом. – Единственный шанс спастись – добраться до оружия. Стрелять умеешь? Тогда иди за мной.

Русский подхватил железный табурет, выставил перед собой и двинулся вперед – осторожно, шаг за шагом, словно проверяя лед под ногой на прочность или нащупывая дорогу

в темноте. Тот пингвин, что заглатывал охранника, внимания на них не обратил. Но другой раскрыл клюв и зашипел. В эту алчную пасть и полетел табурет. Пока чудище откашливалось, Фрол проскользнул под крылом, схватил карабин и всадил три пули в глаз мутанта.

– Умри, сука-а-а-а! – закричал он, отходя от бьющегося в агонии монстра.

Второй пингвин еще давился останками охранника, поэтому не представлял опасности. На беду в спальный отсек протиснулся еще один хищник. Он напал сзади, без упреждающего рыка или вопля. Пронзил Фрола острым клювом – с той же легкостью, как стальная булавка протыкает жучка или бабочку. Богатырь всхлипнул от боли и неожиданности, поднял ствол, но тот заплясал, выписывая восьмерки: руки слабели предательски быстро. Из последних сил подтолкнул карабин по полу в сторону Кифа и затих.

– Фрол!

Бесполезно. На тот свет не докричишься. Но здесь еще можно пошуметь: Киф прицелился в треугольник между желтыми глазами и клювом... С первого же выстрела снес морскому гаду пол-голова. Стараясь беречь боеприпасы, подкрался поближе к оставшемуся в живых – тот уже справился со своей жертвой, из клюва свешивалась лишь кисть руки с массивным браслетом для экстренной связи. Охранник нажать на кнопку не успел и тревогу не поднял. Киф выстрелил прямо в браслет – о, теперь заголосила сирена по

всем этажам Купола, замигали яркие лампочки. Струхнувший пингвин попытался было отползти, но человек не дал такого шанса – еще две пули вырвали из круглой черной головы алые фонтанчики. Интересно, каковы на вкус эти пернатые разбойники?

Бригадир резонно рассудил, что уснуть после такого кошмара никто все равно не сможет, поэтому погнал выживших работать: чинить стены да сбрасывать трупы в океан. Только Кифа потащил на самый верх Купола – туда, где столб света уходил вверх, пронзая черные тучи.

– Ну что, герой, нашла тебя награда, – сказал он, разливая по кружкам сивуху. – Катер вот-вот отправится в Аделаиду. Капитан у нас ночевал, но после налета мутантов рвется поскорее сбежать. Ждет тебя с нетерпением. Поедешь навстречу светлому будущему. Тьфу ты, прошлому, конечно.

Неплохой тост получился – выпили залпом. Киф пошел к шлюзу, услышав как сзади снова забулькало – бригадир решил повторить, но уже сам. Ему-то машину времени увидеть не доведется: рангом не вышел.

– Везучий... Смотри, чтоб удача не отвернулась! – послышалось вслед.

Тоже, в принципе, тост.

* * *

Рекрутер нарочно прилетел из своего любимого 1999 го-

да, чтобы взглянуть на Кифа. Он давно уже не работал в отделе персонала, да и вообще не работал – стал вице-президентом Корпорации и почти не вылезал из прошлого. Но пропустить такое событие не мог: шахтер, принесший в закрома больше всех зелени, наконец-то исполнит свою давнюю мечту. Есть в этом что-то сентиментальное, не находите?

– Итак... Вы хотите...

Ой, ладно! К чему вопросы и расшаркивания. Он прекрасно знает о навязчивой идее этого парня. Бригадир докладывал. А также Зиг и еще пара прикормленных осведомителей. Бывший головорез из банды Западного берега замыслил красиво уйти, разорвав пожизненный контракт с Корпорацией. Бизнесмен ухмыльнулся: он специально наводил справки у историков в 1999 году, те в один голос уверяли, что рассказы о Клеопатре – ложь и клевета. Точнее, легенды и мифы. Царица египетская любила пошалить и до мужчин была весьма охоча, но ядом никого не травила. Так что поутру вернется Киф в промозглую реальность. Удивится, конечно. Скорее всего, синее стекло в гневе разобьет. Однако этого эгоистичного подонка легко обвести вокруг пальца. Соврать, что эребус блокирует любые яды в крови. И предложить новое путешествие, к императрице Мессалине, которая убивала своих любовников кинжалом в не менее Древнем Риме. Тоже вранье, но зато этот крепкий работяга отработает у Стены дополнительные десять лет. В конце

концов, парню нет и тридцати! Отличное приобретение для Корпорации.

– Хотите в Древний Египет...

– Хочу, – ответил Киф. – Но это подождет!

Он все обдумал, пока суденышко на воздушной подушке неторопливо скользило к берегу. Хотя понимал, что это поистине революционное решение принял еще раньше. Даже не сам принял, все было решено за него, – в тот самый момент, когда Фрол спас ему жизнь. Долг нужно выплатить. Не потому, что того требуют законы морали – ими он готов потеряться в любой момент, когда приспичит. И уж точно не потому, что в сердце зашевелилась какая-то слезливая слабость. Сердце – всего лишь мышца, насос перекачивающий кровь. Откуда там взяться чувствам?! Просто... Вы вряд ли поймете, но... Русский показал ему, что даже растратив всю свою долбанную жизнь впустую, можно умереть не зря.

– Поездка в Крым, год здесь указан, – на стол легла фотография, заляпанная пятнами крови. – Списывайте время с моего счета, по курсу обмена.

В двух словах, не слишком приличных, обрисовал ситуацию и добавил, глядя в выпученные от изумления глаза вице-президента.

– Мне пора обратно в шахту.

Да, Кифу по-прежнему плевать на окружающих, тем более на эту соплячку, которой никогда не видел. Даже имени знать не хотелось. Пускай проваливает на этот гребанный

пляж. Если струсит и не поплывет наперегонки со смертью, то все равно погибнет там от излишней солнечной радиации. Зато душа ее станет чайкой или альбатросом.

Возможно.

А он подождет. И Клеопатра тоже – ей-то куда спешить.

* * *

На следующее утро, запрыгивая в вагонетку, Киф думал только об одном: неужели поднеся к уху ракушку и вправду можно услышать, как шумит море?

Без пяти лет апокалипсис

1

Солидному ученому неловко стоять на стрёме.

Впрочем, солидность эта была весьма условной. Профессор Арк изобрел машину времени, но – извините за каламбур, – очень уж не вовремя. За день до ядерной войны, погубившей почти всю Землю. Он мечтал стать героем планетарного масштаба, а мир неожиданно съежился до одного захолустного континента – чертовски фартовой Австралии. Но и на родине Арк славы не снискал, его имя не появилось даже в газетах: алчные боссы Корпорации наложили свои лапы на все чертежи, а самого ученого заперли в секретном бункере. Условия для него создали, тут, прямо скажем, грех жаловаться. Двойной паек. Семья под боком. Лаборатория с кучей колбочек, проводов и приборов. А, самое главное, неограниченный запас эребуса. В этом изумрудном минерале, возникшем после случайного взрыва боеголовки в жерле антарктического вулкана, заключена немыслимая энергия. Без нее перелеты во времени невозможны. За один грамм на черном рынке дерут баснословные деньги, а тут – забирай, сколько надо. Работай. Твори. Улучшай свое изобретение на благо капиталистов. Жизнь в золотой клетке, конечно, не са-

хар, но всяко лучше скитаний по диким и выжженным пустошам, где одичавшие люди готовы рвать друг друга на части за банку синтетических консервов.

Он затаился тонизирующей сигаретой. Интересно, что за зелье туда подмешали? Табак-то давно уже не растет, наряду с прочей зеленью. Вокруг сплошная серость – земля, море, небо, люди. Или, как сейчас, непроглядно-черная ночь. Другие цвета возникают крайне редко. Вот вспыхивает оранжевый огонек, который Арк старательно прячет в ладонях, чтобы не заметил патруль. Иначе ведь застрелят, и на серой стене появятся ярко-красные пятна крови. Перелезть через эту трехметровую преграду книжный червь вряд ли сумел бы и в юности, что уж говорить про нынешнее состояние. Шестидесять лет. Дряхлая развалина, изглоданная неизлечимой болезнью. На ногах держится только благодаря этим долбаным стимуляторам! Поэтому и остался сторожить, пока молодые львы не вернутся с добычей.

Ученики у него появились год назад. В апреле 2101-го шахтер по имени Киф устроил бунт в подводном Куполе. Сотня смутьянов перебила охранников и на трех батискафах добралась до Аделаиды. Уличные бои гремели неделю, к восставшим присоединялись недовольные горожане, бандиты из предместий и прочих сброд. «Где им тягаться с элитным спецназом Корпорации?» – думали боссы. Но люди бросались под пули со звериной яростью и отчаянием обреченных. Лучше умереть в борьбе за светлое будущее, чем мед-

ленно гнить в дерьмовом настоящем! С этим лозунгом Киф сотоварищи опрокинули все кордоны и ворвались в небо-скреб. Первым делом разбили машину времени, чтобы ни у кого не возникло искушения спрятаться в благополучных древних эпохах. А потом уже пошли по кабинетам, выдирая из удобных кресел паразитов разного уровня. Каждого второго показательно расстреляли на площади, под радостные вопли толпы. Остальных отправили в шахту, кромсать Стену и добывать эребус. Всем, кто в течение последующих дней возвращался из отпусков в солнечном прошлом, предлагали тот же нехитрый выбор – пуля или кирка. Профессору оставили бункер со всей нужной аппаратурой, но поставили совсем другие задачи: очистить воздух в городе от вредных примесей, затем землю и море, а попутно разработать новые способы производства синтетической пищи.

– Да что я объясняю?! Вы же умнее меня в миллион раз и сами знаете, как сделать наш мир пригодным для жизни, а не для выживания!

– Это невозможно... – тогда, глядя в холодные глаза предводителя смутьянов, Арк не осмелился закончить фразу и мгновенно подписать себе приговор, – ...невозможно без подробных исследований. Мне нужна команда лаборантов, разбирающихся в науках.

– Отлично, док! – улыбка Кифа пугала еще сильнее. – Подберем вам нужных людей, дадим эребуса сколько захотите. С такой мощной штукой вы превратите эту глушь в цве-

туший оазис, скажем... За год, да?

– Полтора, – сумел выдавить ученый сквозь комок в горле.

– По рукам!

Пришлось пожать крепкую ладонь, по взмаху которой пролилось столько крови. Как он тогда не потерял сознание?

Чудом.

Еще одна затяжка.

Нет, у ученого не было никакой предвзятости к новой власти. Арка вообще не сильно волновало, кто именно сидит на самом высоком этаже и отдает приказы. Но выполнить требования революционеров за столь короткое время не удалось бы и целому институту, что уж говорить о горстке недоучек. Хорошо еще, что его собственный сын, Гайд, знает физику и математику на уровне аспиранта, а Тюп действительно разбирается в компьютерах, хотя программы сочиняет медленно, словно по слогам читает. Эти двое скорее в плюс, чем в минус. Но остальные... Син, взбалмошная девица, которой повезло родиться эйдетиком. Запоминает любую страницу с одного взгляда, за месяц впитала в себя четыреста книг – все, что уцелели в библиотеках. Ходячая энциклопедия! Но разве эти знания полезны? Она так и осталась туповатой овцой, не понимает ни единого процесса, стоящего за напечатанными текстами, однако постоянно препирается, жонглируя цитатами из различных источников. К месту или нет – лишь бы поспорить. Или этот увалень, Чак. Отличный химик. Точнее, алхимик, потому что образования ноль. Может интуитивно

смешать три сомнительных жидкости и пару бурых порошков, и – бац! Получается взрывчатка или вот эти самые бодрящие сигареты. Но ведь ленивый до ужаса, без напоминаний или смачного пинка ничего не делает. А уж Борг и во все никакой не ученый, его прислали из особого комитета наблюдать за командой и докладывать – все ли идет по плану. Не устроит ли профессор саботаж или еще какую каверзу. А то, знаете, по Аделаиде и окрестностям много недобитков бродит, ненавидящих новый порядок. То на патруль нападут, отберут оружие и сгинут впотьмах. То склад продуктовый ограбят – не у Кифа воруют, крысы позорные, всех людей без еды оставляют. А недавно диверсанты взорвали шахту. Придется теперь укреплять стены, долбить дополнительные штреки, новых работников искать, а пока сидеть без эребуса! Хорошо еще, запас есть. Около тонны. Учитывая тот факт, что даже в крупнице зеленого минерала достаточно энергии для освещения города в течение суток, надолго хватит. Но комендантский час после взрыва все же объявили. Теперь если кого ловят после заката на улице, то пускают в расход на месте – без суда и следствия.

Пальцы дрожали. Не от страха быть застреленным, а от старческой немощи и, немного от безысходности. Арк взглянул на сигарету. Столбик пепла и тонкая полоска сероватой бумаги – затянуться еще раз, она тоже превратится в пепел. Самая точная модель их подышающего мира. Запасов эребуса не хватит на то, чтобы воплотить в реальность мечты о

здоровом мире, где можно жить долго и счастливо. Планета умрет в один день, лет через пять. Вряд ли протянет дольше. Но Арк все равно этого не увидит, его казнят гораздо раньше. А заодно и всех причастных к проекту, ну, может, за исключением Борга. С остальными церемониться не станут. Вот поэтому удалось подговорить учеников на авантюру...

– Отец, все чисто? – раздался шепот сверху.

Широкоплечий брюнет – волосы у него в мать, не то что блеклая шевелюра профессора, – повис на руках, держась за край, а потом мягко спрыгнул вниз. Чуть слышно свистнул. Сверху спустили объемистый сверток на двух нано-бечевках – хоть они и тонюсенькие, но способны растягиваться на любую длину, оставаясь невероятно прочными. Как только баул сполз на землю, Гайд сел на него верхом и снова свистнул. Теперь по тем же самым веревкам полезли наверх Тюп и Чак, оседлали забор, подтянули девушку. Спустили ее в надежные руки возлюбленного – хотя они и не давали повода, но профессор подозревал, что сын без ума от этой вертихвостки. Тоже, нашел красавицу! Волосы на висках выбриты, а на самой макушке – собраны в пучок. Глаза мелкие, колючие, цвета заплесневелой соломы. Грудь под серым комбинехоном даже не угадывается. Син напоминала костлявого мальчишку, а уж характер... За что такую любить?! Арк вспомнил свою жену, умершую вскоре после войны от лучевой болезни, и губы затряслись так сильно, что даже последнюю затяжку не сделать. Затаптал окурочек и тихо сказал:

– А теперь бегом в хранилище. Пока там, – он кивнул на забор, – не спохватились!

К эребусу ученых допускали в любое время дня и ночи. Лишних вопросов не задавали. Устанавливали личность и открывали засовы. Один за другим. На этот раз удалось пройти лишь три кордона, а на четвертом их остановили.

– Что в мешке?

В голосе караульного нет намека на любопытство или подозрительность. Дежурный вопрос. Обязан проверить, вот и проверяет.

– Оборудование, – ответил профессор, стараясь не выдать волнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.